

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Правовая культура с точки зрения психологии: возрастная специфика и гендерный аспект

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Мельник М.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5466-7159>, e-mail: manichka106@mail.ru

Работа посвящена специфике феномена «правовая культура» с точки зрения психологии. Была предпринята попытка психологического рассмотрения понятия правовой культуры и описаны ее составляющие, что позволило подобрать методики для выявления возрастных и гендерных особенностей. Определена динамика правовой культуры в четырех возрастных группах (учащиеся 9 и 11 классов, совершеннолетние граждане от 18 до 35 лет и лица зрелого возраста от 36 до 50 лет). Было установлено, что некоторые психологические особенности старших школьников имеют статистически значимые показатели, отличающиеся от более младших и более старших возрастных групп, а также описана гендерная специфика в разные возрастные периоды. На основании полученных данных сделаны выводы о правовой культуре как психологическом феномене и важности дальнейшего исследования психологических особенностей правовой культуры, которые могут послужить основой для разработки программ по развитию правовой культуры в совокупности и в отдельных ее составляющих у несовершеннолетних и совершеннолетних молодых граждан, у лиц зрелого возраста и общества в целом.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, ценности, нормы, правовая активность.

Для цитаты: Богданович Н.В., Мельник М.Р. Правовая культура с точки зрения психологии: возрастная специфика и гендерный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 125–139. DOI:10.17759/psylaw.2022120410

Legal Culture in Psychology: Age Specific and Gender Aspect

Natalia V. Bogdanovich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Maria R. Melnik

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5466-7159>, e-mail: manichka106@mail.ru

The work is devoted to the specificity of the phenomenon of “legal culture” from the psychological point of view. An attempt was made to psychologically examine the concept of legal culture and describe its components, which allowed us to select methods for identifying age and gender features. We determined the dynamics of legal culture in four age groups (pupils of 9 and 11 classes, senior citizens from 18 to 35 years old and mature persons from 36 to 50 years old). It was found that some psychological features of older schoolchildren have statistically significant indicators that differ from younger and older age groups, and gender specificity in different age periods was described. Based on the data obtained, conclusions were made about legal culture as a psychological phenomenon and the importance of further research into psychological features of legal culture, which can serve as a basis for the development of programs to develop legal culture in the aggregate and in its individual components in juvenile and adult young citizens, in persons of mature age and society as a whole.

Keywords: legal culture, legal consciousness, values, regulations, legal activities.

For citation: Bogdanovich N.V., Melnik M.R. Legal Culture in Psychology: Age Specific and Gender Aspect. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 125–139. DOI:10.17759/psylaw.2022120410 (In Russ.).

Введение

В современном мире ученые все больше обращаются к интегративным характеристикам, которые позволяют не только объяснить развитие того или иного феномена, но и предсказать его. К одной из таких характеристик можно отнести понятие правовой культуры человека. С одной стороны, нужно отметить возрастающий интерес к использованию данной дефиниции и широту ее, с другой стороны — все возрастающую противоречивость, так как при чтении многих источников (психологических, педагогических, юридических и т. д.) можно заметить, что данный термин используется синонимично таким понятиям, как правосознание, правовая психология, правовые знания, правовое воспитание и т. д.

Для более глубокого понимания данного феномена обратимся к определению культуры в целом как одного из наиболее характерных свойств, присущих любому большому устойчивому объединению людей. Она «...включает в себя ценности, носителями которых являются члены определенной группы, нормы, которым они следуют, и материальные блага, производимые ими. Ценности являют собой абстрактные идеалы, в то время как нормы — это определенные принципы или правила, которые, как ожидается, люди будут соблюдать» [3].

Таким образом, в этом и многих других определениях упор делается на две составляющие — ценности и нормы. Естественно, правовая культура — это лишь часть, аспект культуры общества, но также понятно, что в ней делается акцент на управление поведением человека через правовое регулирование.

Для определения общекультурных ценностей, отраженных и в правовой сфере, были взяты за основу пять основных общечеловеческих проблем, на решение которых, по мнению Ф. Клакхон и Ф. Стробебека, направлена любая культура: 1) отношение человека ко времени; 2) отношение к природе и «сверхприродному»; 3) отношение людей к человеческой

натуре; 4) отношение к другим людям; 5) направленность деятельности человека. Таким образом, становится возможным определение «...основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры» [цит. по: 1] и выделяются три типа культуры: 1) *традиционный*, которому присуща ориентация людей на прошлое; человек зависим от ближайшего социального окружения; большое значение придается семейным связям, традициям, истории; деятельность строго регламентирована; 2) *современный*, который характеризуется ориентацией людей на настоящие и современные события; ценностью является человек его права, признание, развитие его способностей, самореализация и самоактуализация; отношения между людьми обычно формализованы; 3) *динамически развивающийся*: в нем люди ориентированы на будущее и достижение быстрых значимых результатов; человеческая натура свободлюбива, признается значимость индивидуальных интересов и ценностей; социальной ценностью является предоставление обществом разных возможностей для развития каждого члена; основа общественного контроля — законность, неотвратимость наказания и обязательность материального вознаграждения.

Однако в данном подходе слабо задействована собственно специфика правовой культуры, поэтому мы обратились к смежным областям психологии, где уже наработан опыт исследования культуры, а именно к организационной психологии. Интересно провести аналогию еще и потому, что и государства, и организации относятся к большим группам. Так, авторы одной из самых популярных методик исследования организационной культуры К. Камерон, Р. Куинн подчеркивают, что она дает людям «...ощущение их идентичности, несет в себе неписанные, а зачастую и просто сами собой разумеющиеся наставления о том, как в организации можно чего-то добиться, а также способствует стабильности социальной системы, в которой люди пребывают повседневно» [5]. На основе выделения того, что ценно в данной организации, каковы стиль лидерства, язык и символы, процедуры и повседневные нормы, а также как определяется успех, выделяются четыре типа культуры, которые могут быть применены и к правовой культуре (рис. 1). Важно, что в данной теории акцент делается не только на фиксации восприятия существующей организационной культуры, но и на ее изменении.

Рис. 1. Рамочная конструкция конкурирующих ценностей

Многие исследователи признают, что правосознание играет центральную роль в правовой культуре [7]. Психологические исследования определяют его как «систему представлений, основанных на понимании роли закона, правовых норм в регулировании взаимоотношений между гражданами государства, между личностью и государством, под воздействием кото-

рых складываются установки на подчинение этим нормам» [8]. Еще более конкретное определение дает О.А. Гулевич: «Аттитюды (социальные установки) по отношению к закону и судебной системе являются компонентами правосознания» [4].

Рассматривая правовую культуру, необходимо учитывать правовую активность. А.В. Петров и А.М. Лесникова [6] определили правовую активность ключевым элементом или составляющим для формирования правовой культуры, где результаты данной активности выражаются в правовой действительности, включающей в себя материальное составляющее правовой системы и правосознание общества.

По нашему мнению, данная активность входит в структуру жизненной позиции, наравне с оптимизмом: «В результате анализа и обобщения научной литературы оптимизм можно определить как устойчивую личностную позицию уверенности человека в преодолении жизненных трудностей или невзгод, уверенности в их временном характере, основанной на вере в силу человеческой природы и в собственные ресурсы. На наш взгляд, оптимизм как система позитивных отношений, жизнерадостного мировосприятия и мировоззрения представляет собой активную жизненную позицию личности, которая оказывает влияние на выбор адаптивных моделей поведения, ролевую позицию и устойчивость к психологическому стрессу и является важной составляющей психологического здоровья личности. Оптимизм как системное качество может иметь различные формы и внутриличностные детерминанты. В связи с этим диагностика оптимизма должна быть направлена не только на выявление степени оптимистического настроя, но также и на активность преобразующего (преодолевающего) поведения, способствующего социальной адаптации и удовлетворенности качеством жизни» [2].

Таким образом, правовая культура будет определяться как часть общей культуры личности с акцентом на репрезентацию ценностно-нормативного устройства общества в данный момент и в будущем и определение своей позиции в данном обществе.

В силу такого понимания нами была поставлена цель исследования: описать возрастную и гендерную специфику правовой культуры. Гипотезой исследования послужило предположение о том, что 1) старшие школьники (в отличие от людей более младшего или более старшего возраста) относят общество, в котором проживают, к современному типу культуры, имеют внутреннюю установку правовой культуры рыночного типа, но хотели бы находиться в правовой культуре кланового или адхократического типа, характеризуются средним уровнем правосознания, и их жизненная позиция относится к психологическому типу «активные оптимисты», 2) девушки ориентированы на традиционную культуру, имеют внутреннюю установку правовой культуры кланового типа, но хотели бы находиться в правовой культуре адхократического типа, демонстрируют более высокий показатель правосознания и их жизненная позиция относится к психологическому типу «реалисты».

Методы и методики исследования

Участники исследования. В исследовании принимали участие респонденты в количестве 131 человек (35,9% респондентов мужского пола и 64,1% женского пола): учащиеся 9-х классов в количестве 34 человека (25,9%); учащиеся 11-х классов в количестве 36 человек (27,5%); совершеннолетние молодые граждане от 18 до 35 лет в количестве 45 человек (34,4%); граждане зрелого возраста от 36 до 50 лет в количестве 16 человек (12,2%).

Исследование проводилось как очно, так и с помощью онлайн-опроса.

Инструменты. Использовались субъективно-оценочные методы.

1. Тест «Культурно-ценностные ориентации» Дж. Таусенда в варианте Л.Г. Почебут [1] — позволяет определить основные тенденции репрезентации культуры в целом.

2. Методика «Инструмент оценки организационной культуры — OCAI — Organizational Culture Assessment Instrument» К.С. Камерона, Р. Э. Куинна [5] — модифицированный вариант под правовую культуру. Результаты были подсчитаны по каждой из выделенных групп (важнейшие характеристики правовой культуры государства, общий стиль лидерства, стиль управления, связующая сущность, стратегические цели, критерии успеха) и распределены по типам правовых культур (клановая, адхократическая, иерархическая (бюрократическая), рыночная). Данная методика проводилась дважды, чтобы показать то, как респондент описывают правовую культуру, в которой проживает (текущее/настоящее) и то, какой они бы хотели видеть правовую культуру (предпочтительное).

3. Тест правового и гражданского сознания Л.А. Ясюковой [8] — показывает результаты относительно самостоятельных выделенных сфер функционирования правосознания (бытовой, профессионально-деловой и социально-гражданской) и уровня правовых знаний.

4. Методика «Шкала оптимизма и активности» (адаптированная шкала «AOS — Arousal and Optimism Scale» И.С. Шуллера и А.Л. Комуниани) Н.Е. Водопьяновой и М. Штейна [2]. Данная методика позволяет выявить степень выраженности двух переменных: оптимизм и активность (энергичность) испытуемого — и определить психологический тип по оси «оптимизм—пессимизм» (реалисты, активные оптимисты — «энтузиасты», активные пессимисты — «негативисты», пассивные пессимисты — «жертвы», пассивные оптимисты — «лентяи»).

Все полученные результаты респондентов были обработаны и проанализированы в программе SPSS Statistics с использованием критерия U Манна—Уитни.

Результаты и их обсуждение

Результаты по методике «Культурно-ценностные ориентации» Дж. Таусенда, в варианте Л.Г. Почебут, были подсчитаны в баллах и распределены по выделенным типам у каждой из групп, представлены на рис. 2.

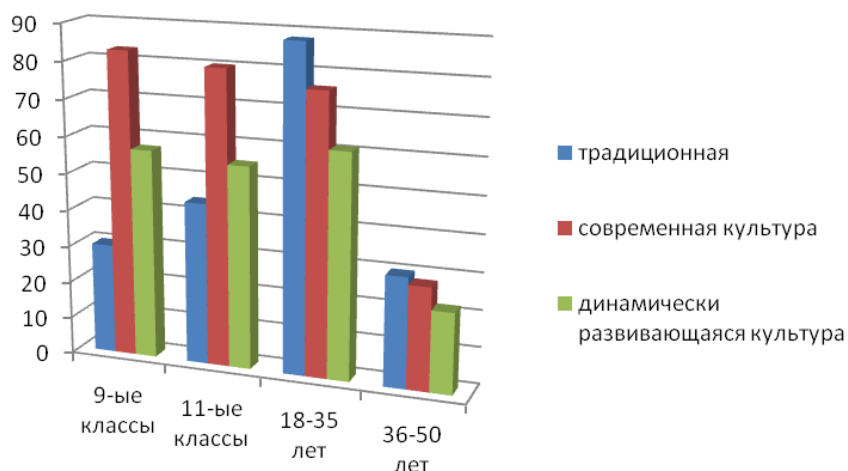

Рис. 2. Результаты по методике «Культурно-ценностные ориентации» (в баллах)

Как можно видеть, выборка разделилась на две части: большинство учащихся 9-х и 11-х классов относят культуру к современному типу (ориентация людей на настоящее, современные события), большинство же лиц от 18 лет и старше относят культуру к традиционному типу (ориентация людей на прошлое, традиции, историю).

По методике «Инструмент оценки организационной культуры — OCAI» К.С. Камерона, Р. Э. Куинна, адаптированной под правовую культуру, были подсчитаны средние баллы и занесены в графики «Профиль желаемой и реальной правовой культуры» по каждой из выделенных групп.

Большинство респондентов-девятиклассников (рис. 3.1) оценивают современную правовую культуру как иерархическую (объединение формальных правил и официальной политики); наименьшее количество баллов у адхократического типа (724). В будущем респонденты хотят видеть клановый (953 балла: сплоченность коллектива, высокая преданность, традиции и обязательность) и адхократический (902 балла: преданность экспериментированию и новаторству) типы культуры, наименьшее количество баллов у рыночного типа (703).

Рис. 3.1. Профиль желаемой и реальной правовой культуры (9-е классы)

У большинства респондентов 11-х классов (рис. 3.2) в настоящем преобладают иерархический (1012 баллов: объединение формальных правил и официальной политики) и рыночный (1008 баллов: ориентация на конкурентоспособность, стремление побеждать) типы правовой культуры, наименьшее количество баллов у адхократического типа (686). В качестве предпочитаемого все типы культуры получили примерно одинаковое количество баллов. Самый наибольший балл получил иерархический тип культуры (871), наименьший у кланового типа (сплоченность коллектива, высокая преданность, традиции и обязательность) культуры (820), адхократический тип культуры 843 балла, рыночный 852 балла.

Большинство респондентов от 18 до 35 лет (рис. 3.3) реальное состояние оценивают как рыночный (1420,3 балла: ориентация на конкурентоспособность, стремление побеждать) и иерархический (1351,5 балла; объединение формальных правил и официальной политики) типы правовой культуры; наименьшее количество баллов у адхократического типа (823,3). В качестве желаемого респонденты видят клановый (1274 балла: сплоченность коллектива, высокая преданность, традиции и обязательность) и адхократический (1257 баллов: преданность экспериментированию и новаторству) типы правовой культуры; наименьшее количество баллов у рыночного типа (902,8).

У респондентов от 36 до 50 лет (рис. 3.4) в настоящем преобладает иерархический (550,33 балла: объединение формальных правил и официальной политики) тип правовой культуры; наименьшее количество баллов у адхократического типа культуры (284,2). В качестве предпочтительного выбирается клановый (459,7 балла: сплоченность коллектива, высокая пре-

данность, традиции и обязательность) тип правовой культуры; наименьшее количество баллов — у рыночного типа (342,7).

Рис. 3.2. Профиль желаемой и реальной правовой культуры, 11-е классы

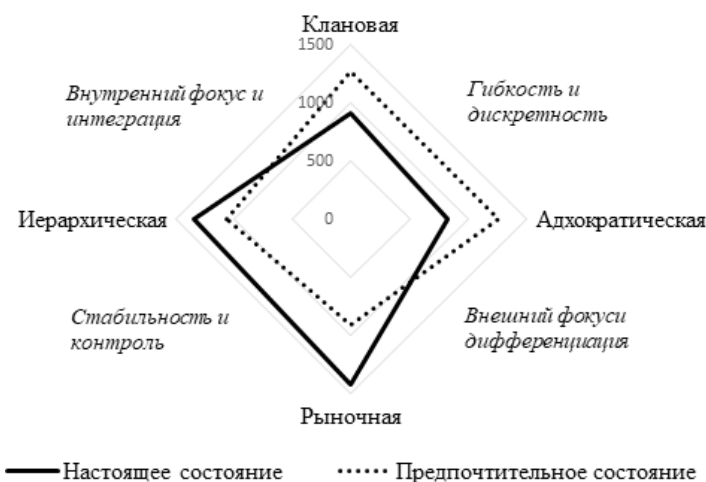

Рис. 3.3. Профиль желаемой и реальной правовой культуры, 18—35 лет

Рис. 3.4. Профиль желаемой и реальной правовой культуры, 36—50 лет

По методике Л.А. Ясюковой на правовое и гражданское сознание были получены следующие результаты.

В соответствии с полученными данными у большинства учащихся 9-х классов (рис. 4.1) выявлен средний уровень правового и гражданского сознания, что трактуется как противоречивое и неполноценное правовое сознание, т. е. оно сформировано не полностью. В бытовой сфере результаты — в основном на хорошем и высоком уровне, что говорит о том, что имеются способность к неконфликтному межличностному общению, понимание других групп относительно тех, в которых находятся. Показатели деловой сферы в основном расположены между слабым и хорошим уровнями, значит, у одних основы деловой сферы, в которую входит деловое общение, взаимодействие, познания в трудовом законодательстве и т. д., еще не сформированы, у других такие качества уже практически сформированы. Большинство показателей гражданской сферы были интерпретированы на слабом уровне, что может говорить также о несформированности гражданского сознания, возможны проявление инфантилизма, пассивность в выполнении какой-либо деятельности. В сфере правовых знаний большинство ответов находятся на хорошем и среднем уровнях; таким образом, уровень правовых знаний, осведомленности, необходимых для самостоятельной жизни в современном обществе, уже сформирован.

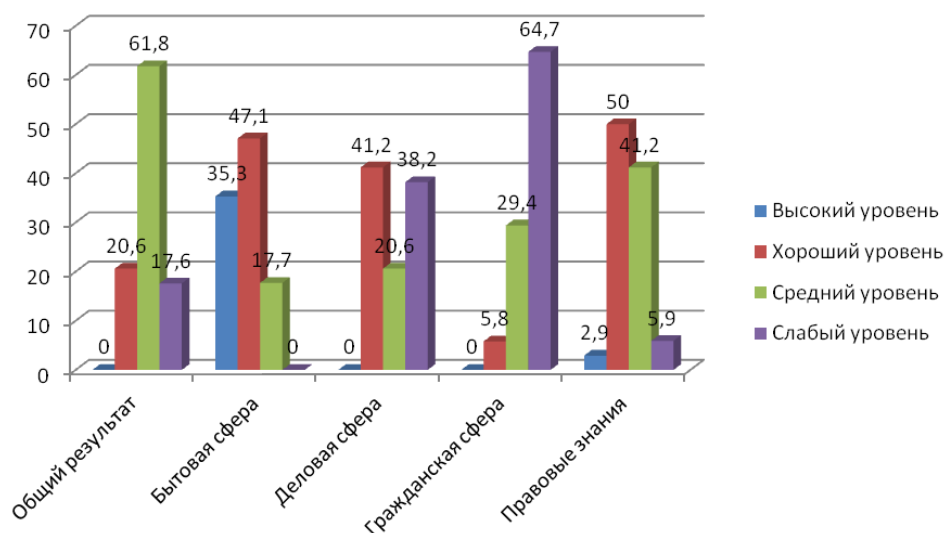

Рис. 4.1. Результаты теста на правовое и гражданское сознание Л.А. Ясюковой, 9-е классы (в процентах)

У большинства учащихся 11-х классов (рис. 4.2) так же, как и у 9-х классов, средний уровень правового и гражданского сознания, бытовая сфера развиты в основном на хорошем уровне. Показатели деловой сферы разместились на среднем уровне; это значит, что у большинства уже сформированы некоторые основы деловой сферы, в которую входит деловое общение, взаимодействие, трудовое законодательство и т. д. Большинство показателей гражданской сферы были интерпретированы между средним и слабым уровнями, что может говорить так же о том, что у одних уже сформировано некоторое гражданское сознание, у других оно еще не сформировано, возможны проявление инфантилизма, пассивность в выполнении какой-либо деятельности. В сфере правовых знаний большинство ответов были зафиксированы на хорошем уровне.

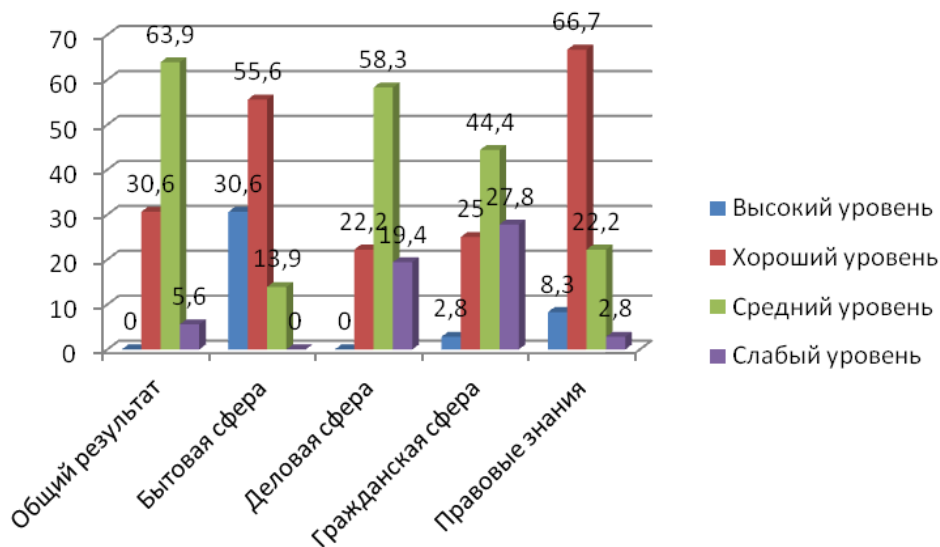

Рис. 4.2. Результаты теста на правовое и гражданское сознание Л.А. Ясюковой, 11-е классы (в процентах)

Результаты двух групп молодых граждан от 18 до 35 лет и более старших лиц от 36 до 50 лет статистически практически идентичны (представлены на рис. 4.1). У большинства респондентов данных групп средний уровень правового и гражданского сознания, как и у рассмотренных ранее групп. По бытовой сфере данные респондентов — в основном на хорошем уровне. Показатели деловой (в основном на среднем уровне), гражданской (между средним и слабым уровнями) и сферы правовых знаний (на хорошем уровне) расположились идентично, как и у группы респондентов 11-х классов.

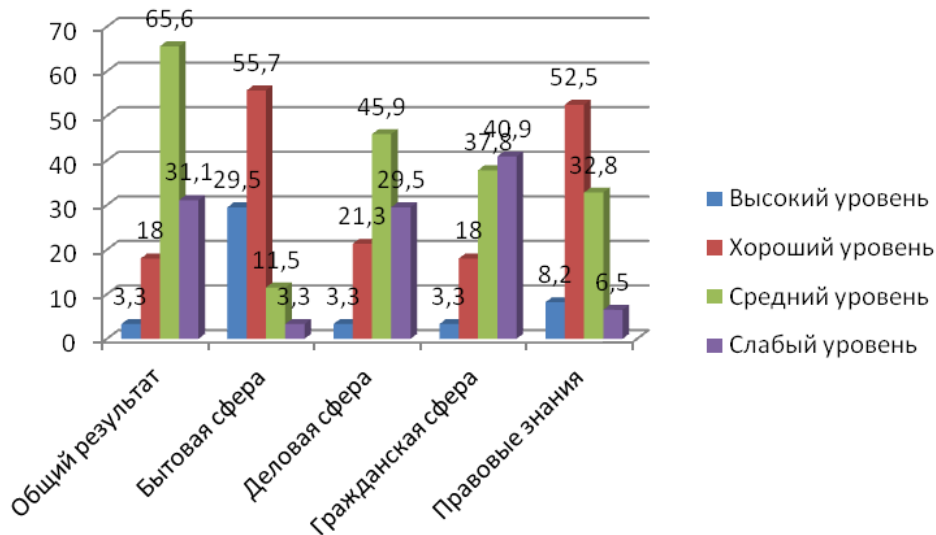

Рис. 4.3. Результаты теста на правовое и гражданское сознание Л.А. Ясюковой, граждане от 18 до 50 лет (в процентах)

Далее представлены результаты по методике «Шкала оптимизма и активности» (адаптированная Шкала «AOS — Arousability and Optimism Scale» И.С. Шуллера и А.Л. Комуниани) в адаптации Н.Е. Водопьяновой и М. Штейна, которые были распределены по уровням вы-

раженности каждой из шкал и в соответствии с полученными баллами по выделенным психологическим типам.

По шкале «Оптимизм» чуть больше половины результатов учащихся 9-х классов находятся на высоком уровне, по шкале «Активность» Л.А. Ясюковой на среднем. Большинство респондентов относятся к психологическому типу «активные оптимисты» (верят в свои силы, успех, позитивно настроены на будущее), наименьшее количество респондентов были отнесены к психологическому типу «пассивные пессимисты» (как правило, ни во что не верят, ничего не предпринимают, не верят в свои силы) (рис. 5.1).

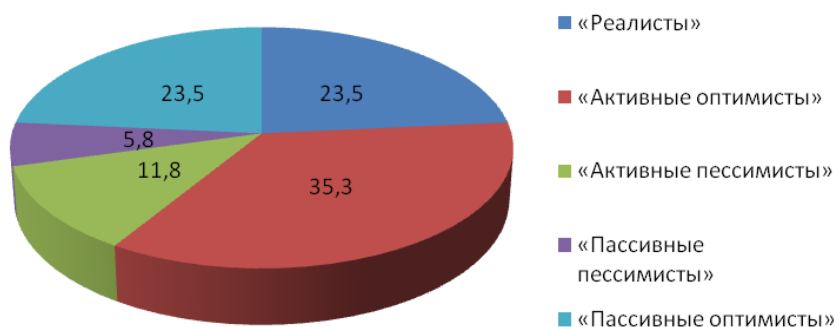

Рис. 5.1. Результаты по «Шкале оптимизма и активности», 9-е классы (в процентах)

Результаты учащихся 11-х классов, представленные на рис. 5.2, схожи с данными по 9-м классам. Респонденты по большей части демонстрируют высокий уровень по шкале «Оптимизм», а по шкале «Активность» — средний. Большинство респондентов относятся к психологическому типу «активные оптимисты», интересно, что респонденты, отнесенные к психологическому типу «пассивные пессимисты» отсутствуют.

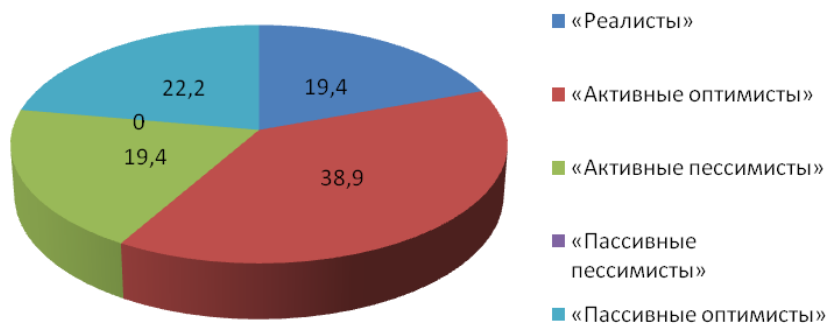

Рис. 5.2. Результаты по «Шкале оптимизма и активности», 11-е классы (в процентах)

По шкале «Оптимизм» молодые граждане в возрасте от 18 до 35 лет в большинстве своем имеют высокий уровень, по шкале «Активность» — средний. Примерно треть респондентов относятся к психологическому типу «активные оптимисты», еще треть — к типу «пассивные оптимисты» (как правило, надеются на случай, удачу, верят в то, что «все будет хорошо», но не предпринимают к этому усилий), наименьшее количество респондентов были отнесены к психологическому типу «пассивные пессимисты» (рис. 5.3).

У большинства граждан зрелого возраста по шкале «Оптимизм» — высокий уровень, по шкале «активность» — средний. Поэтому неудивительно, что самый распространенный тип в данном возрастном диапазоне — «пассивные оптимисты», а наименьшее количество респондентов были отнесено к психологическому типу «пассивные пессимисты» (рис. 5.4).

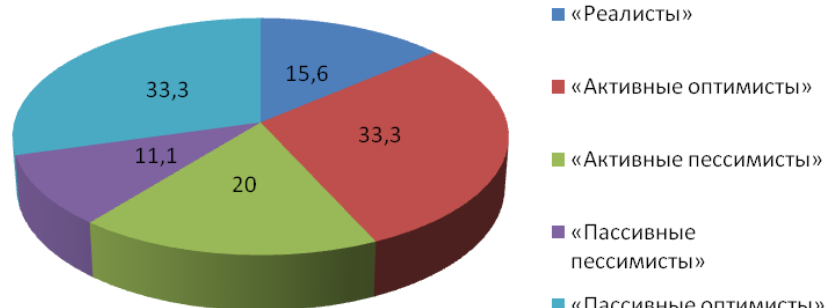

Рис. 5.3. Результаты по «Шкале оптимизма и активности», респонденты 18—35 лет (в процентах)

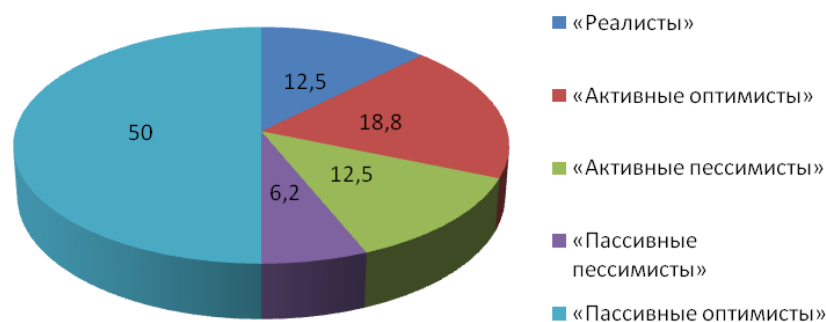

Рис. 5.4. Результаты по «Шкале оптимизма и активности», респонденты 36—50 лет (в процентах)

Статистика и обсуждение полученных данных

Из полученных статистически значимых результатов следует, что у респондентов 9-х и 11-х классов выявлены статистически значимые различия (уровень значимости 0,05) по общей шкале правосознания и шкале гражданской сферы методики на правовое и гражданское сознание, также по шкале предпочтительного типа правовой культуры («клановой») адаптированного варианта методики ОСАИ (рис. 3.1, рис. 3.2). Для учащихся 11-го класса характерен более высокий общий уровень правосознания, в особенности в гражданской сфере; для них характерно прикладывать больше усилий к порученной им работе, проявлять большую самостоятельность. Для учащихся 9-х классов значимо более предпочтителен в будущем «клановый» тип правовой культуры, которому присущи высокая преданность традиции, высокая степень сплоченности, приверженность моральному климату, забота о людях, поощрение коллективной формы работы. По всем остальным шкалам статистической значимости не выявлено.

Если рассматривать статистически значимые различия между группой респондентов-одинадцатиклассников и молодых граждан от 18 до 35 лет, то они есть по шкале «Тип культуры» (старшие школьники большей частью определяют культуру как современную, что намного реже делают молодые взрослые). При определении значимых различий между группой учащихся 11-х классов и лицами зрелового возраста (от 36 до 50 лет) статистически значимыми будут результаты по шкале «Желаемый тип правовой культуры» (значимость 0,05) и шкале «Активность» (значимость 0,05) методики «Шкала оптимизма и активности». Для учащихся 11-х классов характерны такие черты, как энергичность, жизнерадостность, беспечность, склонность к риску, безмятежность. Для лиц от 36 до 50 лет, наоборот, более ха-

рактерны такие пассивные черты, как тревожность, боязливость, нежелание что-либо делать, неуверенность в себе.

Итак, первая гипотеза о том, что старшие школьники (ученики 11-го класса) относят общество, в котором проживают, к современному типу культуры, имеют внутреннюю установку правовой культуры рыночного типа, но хотели бы находиться в правовой культуре кланового или адхократического типа, характеризуются средним уровнем правосознания и их жизненная позиция относится к психологическому типу «активные оптимисты», подтвердилась частично. Как видим, они действительно воспринимают культуру как современную, характеризуются средним уровнем правосознания и относятся к типу «активные оптимисты», однако значимые различия в этих характеристиках не так однозначны (например, уровень правосознания оказался средним на всех возрастных этапах (с небольшим уменьшением в подростковом возрасте, что вполне ожидаемо)). Да, подростки и старшие школьники статистически отличаются от взрослых по восприятию культуры (взрослые более традиционны). Интересно, что отличия также есть в активности (особенно после 35), однако в оптимизме — нет, а значит, респонденты имеют позитивные ожидания от жизни и других людей.

Интересно, что группы учащихся 9-х и 11-х классов относят культуру, в которой проживают, к современному типу, где граждане более ориентируются на настоящие события, чем на прошлые, где большую важность имеет сам человек и его правовые возможности, чем традиция и история культуры, в отличие от взрослых (молодых и зрелых).

Общая тенденция при оценке правовой культуры состоит в том, что подростки (9-е классы), старшие школьники (11-е класс) и респонденты зрелого возраста (36—50 лет) характеризуют ее как иерархическую и только молодые взрослые (18—35 лет) — как рыночную. Таким образом, только молодые взрослые готовы к конкуренции, соперничеству, у них есть стремление побеждать, добиваться поставленной цели; однако они бы предпочли в такой культуре не проживать, а дали бы предпочтение преданности, сплоченности, где поощрялась бы коллективная работа, забота о людях и т. д. (т. е. клановую). Кстати, и другие возрастные группы (подростки и респонденты зрелого возраста) тоже предпочли бы жить в такой правовой культуре. А у старших школьников (11-е классы) наблюдается тенденция к совпадению желаемой и реальной правовой культуры,

По методике «Тест на правовое и гражданское сознание» во всех возрастных группах общий показатель правосознания у большей части респондентов находится на среднем уровне с небольшой тенденцией к повышению, однако у взрослых респондентов показано увеличение и низкого уровня правосознания, что безусловно требует отдельного исследования.

Наблюдается интересная возрастная динамика активности и оптимизма. Так, пик активности приходится на старший школьный возраст (видимо, сказывается скорое окончание школы). Высокий уровень оптимизма оказался у большинства респондентов всех возрастов, однако наибольший пришелся на зрелый возраст.

Что касается второй гипотезы о том, что девушки ориентированы на традиционную культуру, имеют внутреннюю установку правовой культуры кланового типа, но хотели бы находиться в правовой культуре адхократического типа, демонстрируют более высокий показатель правосознания и их жизненная позиция относится к психологическому типу «реалисты», нами были выделены статистически значимые различия относительно групп, разделенных по половой принадлежности с учетом возрастных различий.

У группы старших школьников (9-е и 11-е классы), разделенных по половой принадлежности, выявлены статистически значимый результат по шкале «Предпочтительное состояние иерархического типа правовой культуры» методики ОСАИ (уровень значимости 0,05). По

всем остальным шкалам статистической значимости не выявлено. Получается, что подростки и старшеклассники мужского пола предпочли бы проживать в правовой культуре иерархического (бюрократического) типа, где присутствует официальная политика и объединенные формальные правила, деятельность подчинена процедурам и все внимание направлено на контроль и стабильность с долгосрочной предсказуемостью, чем представители женского пола. Можно предположить, что данных характеристик респондентам мужского пола рассматриваемой группы не хватает в правовой культуре, в которой они проживают.

Также у группы юных и молодых граждан от 14 до 35 лет, разделенных по категории половой принадлежности, есть статистически значимые результаты по шкалам предпочтительного состояния правовой культуры методики ОСАІ (уровень значимости 0,05). По всем остальным шкалам статистической значимости не выявлено. Таким образом, для лиц мужского пола характерно давать большее количество баллов предпочитаемому рыночному (ориентация на конкурентоспособность, стремление побеждать) и иерархическому (бюрократическому) типам правовой культуры (объединение формальных правил и официальной политики). Для женского пола характерно давать большее количество баллов в предпочтительном состоянии Адхократическому типу правовой культуры (преданность экспериментированию и новаторству).

У группы совершеннолетних (от 18 до 50 лет), распределенных по половой принадлежности, есть статистически значимый результат по шкале Правосознание в гражданской сфере в методике на правовое и гражданское сознание (уровень значимости — 0,05). По всем остальным шкалам статистической значимости не выявлено. Для представителей женского пола характерны более высокие уровни правосознания в гражданской сфере (характерно прикладывать больше усилий к порученной им работе, проявлять большую самостоятельность), чем для представителей мужского пола.

У группы лиц от 36 до 50 лет, распределенных по половой принадлежности, есть статистически значимые результаты по шкале «Правовые знания» в методике на правовое и гражданское сознание и шкале «Оптимизм» методики «Шкала оптимизма и активности» (уровень значимости — 0,05). По всем остальным шкалам статистической значимости не выявлено. Для представителей женского пола характерны более высокие уровни правовых знаний (информированность, общая осведомленность о законодательном регулировании) и оптимизма (предрасположенность верить в свои силы и успех, преимущественно положительные ожидания от жизни и других людей), чем у представителей мужского пола.

Таким образом, вторая гипотеза подтверждена частично: девушки не имеют значимых различий по оценке культуры как традиционной, а также предпочитаемой правовой культуры в качестве клановой, они большей частью не относятся к группе «реалисты», хотя в зрелом возрасте отличаются большим оптимизмом, чем мужчины. Только девушки в молодом возрасте хотели бы жить в правовой культуре адхократического типа. Совершеннолетние девушки действительно отличаются более высоким уровнем правосознания.

Выводы

В данном исследовании нами была предпринята попытка дать психологическое описание термина «правовая культура» как части общей культуры личности, в которой акцент делается на репрезентацию ценностно-нормативного устройства общества и своей роли в нем. Выделены 4 уровня анализа правовой культуры: 1) репрезентация культуры в целом, 2) специфика правовой культуры в настоящем и будущем, 3) уровень правосознания, 4) жизненная позиция (активность и оптимизм).

В результате эмпирического исследования были получены данные, позволяющие описать возрастные и гендерные особенности правовой культуры, а именно, что старшие школьники действительно воспринимают культуру как современную, характеризуются средним уровнем правосознания и относятся к типу «активные оптимисты», однако в остальных параметрах наша гипотеза не подтвердилась. Еще меньше статически значимых результатов получено при выявлении гендерной специфики: только девушки в молодом возрасте хотели бы жить в правовой культуре адхократического типа, а совершеннолетние девушки действительно отличаются более высоким уровнем правосознания. Таким образом, обе наши гипотезы подтвердились частично.

В качестве перспектив исследований правовой культуры, на наш взгляд, важно учесть следующее.

Во-первых, необходимо проводить дальнейший анализ психологического феномена правовой культуры с методологической точки зрения. Особенно перспективным является использование системного подхода, учитывая междисциплинарный характер данного феномена.

Во-вторых, следуя за наиболее динамично развивающимися смежными исследованиями культуры в психологии, необходимо больший акцент ставить на управлении правовой культурой, а не просто ее описании. При исследовании правовой культуры стоит совмещать анализ документов (так как право — это, в первую очередь, письменные источники) с диагностикой отражения этой культуры и реализации ее в правомерном (или асоциальном) поведении у представителей разных возрастов.

В-третьих, важно разрабатывать психологические программы развития правовой культуры с учетом выделенных возрастных и гендерных особенностей.

Литература

1. Браун О.А., Яницкий М.С. Методика оценки репрезентации в массовом сознании базовых характеристик культурных типов по М. Мид [Электронный ресурс] // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 123–136. doi:10.17223/17267080/55/7
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. М.: Питер, 2009. 329 с.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 632 с.
4. Гулевич О.А. Структура правосознания и поведение в правовой сфере [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 5 (7). doi:10.54359/ps.v2i7.956
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб: Питер, 2001. 320 с.
6. Петров А.В., Лесникова А.М. Правовая активность и правовая культура // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-1 (40). С. 110–113.
7. Умняшова И.Б., Егоров И.А. Направления и формы развития правовой культуры педагогических работников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 144–154. doi:10.17759/psylaw.2019090111
8. Ясюкова Л.А. Прогноз и профилактика проблем обучения, социализация и профессиональное самоопределение старшеклассников: Методическое руководство (Часть II). СПб: ИМАТОН, 2017. 20 с.

References

1. Brown O.A., Yanitskiy M.S. Metodika otsenki reprezentatsii v massovom soznanii bazovykh kharakteristik kul'turnykh tipov po M. Mid [The method of assessment of representation in the mass consciousness of the basic characteristics of cultural types by M. Mead] [Elektronnyi resurs]. *Sibir-*

Богданович Н.В., Мельник М.Р.
Правовая культура с точки зрения психологии:
возрастная специфика и гендерный аспект
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 125–139.

Bogdanovich N.V., Melnik M.R.
Legal Culture in Psychology:
Age Specific and Gender Aspect
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 125–139.

skii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology, 2015, no. 55, pp. 123–136. doi:10.17223/17267080/55/7 (In Russ.).

2. Vodopyanova N.E. *Psikhodiagnostika stressa*. Moscow: Piter, 329 p. (In Russ.).
3. Giddens E. *Sotsiologiya [Sociology]*. Moscow: Editorial URSS, 2005. 632 p. (In Russ.).
4. Gulevich O.A. *Struktura pravosoznaniya i povedenie v pravovoi sfere [The structure of legal conscience and the behavior in legal area] [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2009, no. 5 (7). doi:10.54359/ps.v2i7.956 (In Russ.).
5. Cameron K.S., Quinn R.E. *Diagnostika i izmenenie organizatsionnoi kul'tury [Diagnosing and Changing Organizational Culture]*. Saint Petersburg: Piter, 2001. 320 p. (In Russ.).
6. Petrov A.V., Lesnikova A.M. *Pravovaya aktivnost' i pravovaya kul'tura [Legal activity and legal culture]. Privolzhskii nauchnyi vestnik = Privolzhsky scientific bulletin*, 2014, no 12-1 (40), pp. 110–113 (In Russ.).
7. Umnyashova I.B., Egorov I.A. *Napravleniya i formy razvitiya pravovoi kul'tury pedagogicheskikh rabotnikov [Directions and forms of development of legal culture of pedagogical employees] [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 144–154. doi:10.17759/psylaw.2019090111 (In Russ.).
8. Yasyukova L.A. *Prognoz i profilaktika problem obucheniya, sotsializatsiya i professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov. Metodicheskoe rukovodstvo (Chast' II)*. Saint Petersburg: I-MATON Publ., 2017. 20 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Мельник Мария Романовна, магистр, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5466-7159>, e-mail: manichka106@mail.ru

Information about the authors

Natalia V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Maria R. Melnik, Master of Psychology, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5466-7159>, e-mail: manichka106@mail.ru

Получена 06.09.2022
Принята в печать 16.11.2022

Received 06.09.2022
Accepted 16.11.2022